

Глава 19. Просьба о деньгах

Войдя в комнату, Гу Цин достал припасенный десяток яиц. Увидев подарок, госпожа Гу заметно повеселела. «Оставлю сыночку, — прикинула она в уме, — как вернется через пару дней из школы, буду ему каждый день по яйцу варить». С этой мыслью она заботливо пристроила их в кувшин.

Дети, оказавшись в незнакомой обстановке, притихли и жались к папочке. Гу Цин подтолкнул их вперед:

— Ну же, поздоровайтесь. Это матушка вашего папочки, зовите её бабушкой. Она о вас очень беспокоилась и наверняка приготовила подарки. Как поздороваетесь — она вам их и отдаст.

Госпожа Гу аж зубами закрипела от злости. «Ах ты, паршивец! — ...бушевало у неё внутри. — ...Прикрылся мужем и думаешь, я на тебя управы не найду? Еще и в траты меня вгоняешь, неблагодарный!»

Но сорваться она не посмела. Лишь процедила сквозь зубы:

— Что ж вы так внезапно... Не успела я ничего приготовить, в другой раз как-нибудь.

А потом добавила с ядовитой усмешкой:

— Да и какая разница, как они меня называть будут? Не родные ведь. Думаешь, вырастут и будут тебе верны? — Она хмыкнула.

Гу Цин не успел и рта открыть, как Сяо У угрожающе нахмурился. В его взгляде промелькнула опасная сталь:

— А ну, повтори.

Встретившись с этим яростным взглядом, мачеха осеклась. Страх сковал её язык, и она лишь жалко пролепетала:

— Я... я ведь правду говорю...

Гу Цин спокойно заговорил:

— Я ращу их, потому что люблю, и кровное родство тут ни при чём. Я не требую от них благодарности за то, что воспитываю их. Напротив, я благодарен им за то, что они есть в моей жизни, за то, что с ними она стала полной. А вы, «матушка», если и дарите любовь, то требуете

взамен слишком многого. Так что я тоже благодарен вам за все те годы лишений: теперь я вам ничего не должен.

Все в деревне знали, как она обходилась с пасынком. С восьми лет тот надрывался в поле вместе с отцом только потому, что мачеха нашептывала мужу: «Много ест, а толку никакого, только продукты переводит».

Поняв, что правда не на её стороне, госпожа Гу замолчала.

В это время вернулся Гу Тяньци. Увидев в доме дочь и зятя, он на миг растерялся, лицо его пошло пятнами. Видно было, что он о чём-то напряженно размышляет.

— Тесть, — сухо поприветствовал его Сяо У.

Гу Тяньци буркнул что-то в ответ. Поняв по поведению зятя, что тот не пришел возвращать мужа обратно, старик немного расслабился. После короткого обмена дежурными фразами в комнате воцарилось тяжелое, неловкое молчание.

Семья Гу не бедствовала, но из-за того, что младший сын учился в школе, денег вечно не хватало. Убедившись, что гроза миновала, Гу Тяньци приосанился и начал вести с зятем пустые разговоры о том о сём. Сяо У неохотно поддакивал. В доме установилось странное, зыбкое подобие мира.

Гу Цин, глядя на это, едва сдерживался, чтобы не закатить глаза.

— Что стоишь как истукан? — прикрикнул старик на жену. — Живо обед на стол!

Лицо госпожи Гу перекошило от досады — притворяться радушной хозяйкой сил больше не было. Одна мысль о том, сколько продуктов сожрут четверо гостей, приводила её в ужас. Один Сяо У с его ростом наверняка съест за троих.

Но перечить мужу она не посмела и нехотя побрела на кухню. Гу Цин поднялся вслед за ней:

— Посидите пока, я помогу матушке.

На кухне Гу Цин первым делом запустил руку в кувшин и, прежде чем мачеха успела охнуть, разбил в миску пять яиц.

Увидев это, госпожа Гу едва не лишилась чувств. Это же предназначалось её сыночку! Забыв о присутствии Сяо У, она уперла руки в бока и завизжала:

— Ах ты, дрянь паршивая! Не по чину тебе такие деликатесы лопать! Пять яиц псу под хвост! Жадная утроба, я тебе этот рот когда-нибудь до ушей раздеру!

На крик из комнаты прибежали мужчины. Видя потемневшее лицо Сяо У, Гу Тяньци прикрикнул на жену:

— Чего разоралась? Из-за яиц такой хай поднимать!

Мачеха вспыхнула еще сильнее. Схватив Гу Цина за руку, она втащила его в комнату к мужчинам:

— Ты погляди на своего гэрчика! Пять яиц перевел! Пять! Я их сыну берегла, здоровье поправлять!

— Откуда в доме яйца? — Опешил Гу Тяньци.

— Сяо У в подарок принес, — тихо вставил Гу Цин, бросив робкий взгляд на отца. — Подумал, раз угостить особо нечем, хоть яичницу сделаем...

— Ах ты, мегера! — взревел старик. — Зять первый раз в доме, а ты из-за пары яиц глотку дерешь? Еще раз вякнешь — выпорю!

Гу Тяньци так лютовал неспроста: у него был свой расчет, и ссориться с Сяо У сейчас никак не входило в его планы. После его окрика госпожа Гу сдулась, как проколотый пузырь, и притихла.

Вдвоем дело пошло быстрее: вскоре на столе красовалась жареная яичница и огромный котел тушеной капусты. Гу Тяньци даже достал вино, которое берег для особого случая.

Опрокинув несколько чарок и захмелев, старик заговорил:

— Негоже, конечно, в такой день такие разговоры вести, но ситуация у нас аховая. Брату твоему в школе учиться надо, расходы неподъемные... В общем, хотели мы у вас денег перехватить на время.

— Денег? И сколько же вам нужно? — Гу Цин внутренне усмехнулся. «Какая беспардонность — просить денег в первый же визит!»

Гу Тяньци, решив, что дело выгорает, зажмурился и выставил пять пальцев.

— Пять таэлей.

— Пять таэлей?! — Опешил Гу Цин.

— Обычной семье этого на год жизни хватает. Вы сами-то, батюшка, пять таэлей в год зарабатываете? Говорите — в долг, а отдавать чем будете? — Голос Гу Цина оставался мягким, но в каждом слове сквозила сталь.

Хмель ударил старику в голову. Он не узнавал своего вечно покорного сына. Почувствовав себя оскорбленным, он вскочил и с силой грохнул ладонью по столу:

— Я твой отец! Твой долг — помогать мне! Хоть пять, хоть пятьдесят таэлей — из-под земли достанешь! Брат твой талантом не обделен, учитель говорит — светлая голова. Станет большим чином, тогда эти гроши и вспоминать не будем!

* * *

Глава 20. Схватка со старым тираном

Бросив косой взгляд на Сяо У, Гу Тяньци попытался смягчить тон, хотя лицо его всё еще шло пятнами:

— А брат твой, как выбьется в люди, добро твое не забудет. Свои же люди, должны друг другу опору давать.

Видя, что Гу Цин и бровью не ведет, в игру вступила мачеха. Глаза её картинно покраснели, и она с горечью выдала:

— Ох, отец, права пословица: выданный замуж гэр — что выплеснутая вода. Столько лет его растили, кормили, а теперь — и знать нас не хочет.

Подстрекаемый женой, Гу Тяньци замахнулся, чтобы отвесить Гу Цину оплеуху. Но его рука замерла в паре цуней от лица сына — Сяо У перехватил её стальной хваткой и с такой силой отшвырнул старика, что тот едва удержался на ногах.

Лицо охотника было мрачнее тучи. Он прошипел ледяным голосом:

— Ты смеешь поднимать руку на моего фулана? Думаешь, меня здесь нет?

Старик оторопел. Бить сына для него было делом привычным, и в запале он напрочь забыл, что теперь за тем стоит этот лесной дьявол.

Сяо У был в ярости. Он знал, что Гу Цину дома приходилось несладко, но увидеть всё своими

глазами оказалось куда тяжелее. Если отец позволял себе такое при зяте, то страшно представить, что творилось раньше.

— Ой, батюшка! Живой ли ты?! Что ж это делается-то, на кого ты меня покидаешь! — завывала мачеха, бросаясь к мужу.

Хмельная удаля смешалась в голове Гу Тяньци со страхом. Поняв, что силой тут не взять, он рухнул на пол и схватился за голову.

— Ой-ой, голова моя! Расколется сейчас, помираю!

Госпожа Гу, сообразив, что подвернулся шанс для шантажа, завопила еще громче:

— Живо гоните пять таэлей на лекаря! А не то в управу пойдем! Нападение на родителей — преступление тяжкое, в кандалах сгниете! — Она даже не смогла скрыть торжествующей ухмылки.

Брови Сяо У взметнулись вверх. Его ярость, которую он пытался сдерживать, вырвалась наружу.

— Хорошо же, я исполню вашу волю. Только боюсь, деньги мои вам на том свете тратить придется! — С этими словами он в два прыжка оказался подле старика и мертвой хваткой вцепился в его ворот.

Встретившись с убийственным взглядом охотника, Гу Тяньци похолодел. Перед ним был не покорный сын, а человек, привыкший убивать. Старик понял, что перегнул палку.

Он хоть и был жаден, но жизнь свою ценил дороже. Сын-то выучится, в город его заберет, как же он там без головы-то будет? Не успел он пролепетать мольбу о пощаде, как Гу Цин мягко отстранил Сяо У. Он ласково погладил мужа по спине, их взгляды встретились, и жажда крови в глазах охотника начала медленно угасать.

Гу Цину этот дом и эти люди были противны до тошноты. В его голове мгновенно созрел план.

Он стремительно вышел на порог, распахнул дверь и — хлоп! — Упал на колени прямо перед входом. Лицо его мгновенно залилось слезами, он выглядел бесконечно несчастным и напуганным. Сквозь рыдания он закричал:

— Отец! Пять таэлей! У нас с Сяо У нет таких денег! Неужели вы хотите моей смерти?!

Сяо У, наблюдавший за этим из комнаты, невольно приподнял бровь. Его женушка явно обладала недюжинным актерским талантом.

Прохожие начали останавливаться. В деревне, где развлечений было раз-два и обчелся, любая заварушка вмиг собирала толпу.

Видя, что зрители в сборе, Гу Цин начал основной акт:

— Отец! Сяо У вчера только из леса вернулся, первым делом сказал — надо родителей навестить. А вы что? Зять порог переступить не успел, вы с него пять таэлей требуете! А как не дали — бить меня начали! Сяо У заступился, так вы теперь пять таэлей за «лечение» вымогаете, иначе ямынем грозите! Люди добрые, рассудите нас! Где же это видано, чтобы так над родными детьми измывались?!

Он рыдал в три ручья. Дети, испугавшись, подбежали и обхватили его с двух сторон. Картина троих плачущих была настолько душераздирающей, что у любого сердце бы кровью облилось.

Во все времена люди инстинктивно сочувствуют слабым. Глядя на плачущего Гу Цина и детей, соседи начали бросать на дом Гу Тяньци гневные взгляды.

Все знали, как старик притеснял сына, но пока тот жил под отцовской крышей, никто не лез — мол, кормят, и ладно. Но теперь-то всё иначе. Сын выдан замуж, теперь он — часть другой семьи, таков закон.

Раз плату за «воспитание» взяли, то и гэр теперь чужой. Как можно в первый же визит зятя деньги вымогать? Если пойдет дурная слава, кто потом из этой деревни невест да гэров брать станет?

Деревенские, у кого подрастали дочери, начали в открытую ругать Гу Тяньци.

Старик с женой, не ожидая такого оборота, в панике захлопнули дверь и заперлись в доме.

Главные герои скрылись, и толпа постепенно разошлась. Гу Цин был в восторге: первая битва осталась за ним. К тому времени, как они вернулись домой, глаза у него опухли — всё-таки плакал он на совесть.

<http://bllate.org/book/19018/1869771>